

¹ Ханов А. Империя Кремля: Советский тип колонизаций. - Вильнюс 1990. - с.11.

² АВП РФ Ф.08.оп 6.д.29.л.12

Тува в 1914-1921 гг.: протекторат или окраина России?

Зам. директора ТИГИ, кандидат исторических наук,

Н.М. Моллеров

В отечественной историографии провозглашенный в 1914 г. протекторат России над Тувой без каких-либо обоснований и оговорок отождествляется с присоединением. Понятия «протекторат» и «присоединение» («вхождение в состав») априори считаются однозначными, однако на деле таковыми не являются. Свою точку зрения на этот вопрос я кратко сформулировал и изложил в печати еще в начале 90-х годов¹. В настоящей статье предлагаю ее развернутое обоснование. Считаю это необходимым, поскольку до сих пор историки-тувиноведы продолжают отождествлять протекторат с присоединением.

Истинное содержание термина «протекторат» раскрыто в его переводе с латинского и означает «покровительство». Имеющиеся в различных словарях формулировки однозначно указывают на установление покровительства одного государства над другим или какой-либо территорией (страной). Как правило - в вопросах защиты их интересов на международной арене. Для осуществления функций протектората в протежируемую страну назначался резидент (должностное лицо) государства-протектора².

Именно так в Туве и было. Но почему же неверная трактовка понятия закрепилась в сознании ученых и оказалась столь живучей? Думаю, прежде всего, потому, что такое прочтение термина предписывалось и поощрялось «сверху», как соответствующее концепции добровольного присоединения к России нерусских народов. Тем более что застрельщиком в этом деле выступил С.К. Тока – первое лицо в Туве. В 1944 г.

в статье о тувинской народно-революционной партии (ТНРП) он попутно затронул тему прогрессивности российского протектората, понимаемого им как присоединение. «Присоединение Тувы к России - писал он - послужило значительным толчком некоторому улучшению экономического положения страны... Вхождение Тувы в состав России, во-первых, положило конец постоянным переходам Тувы из одних рук в другие и, во-вторых, сыграло прогрессивную роль тем, что способствовало некоторому хозяйственному и культурному росту Тувы, хотя русские купцы и ростовщики в ограблении Тувы мало чем отличались от маньчжурских»³.

Высказанная как бы между прочим новая трактовка протектората была возведена в ранг непререкаемых истин и в течение десятилетий широко тиражировалась в научных работах по истории Тувы, официальных политических выступлениях и даже получила отражение в названиях статей и разделов монографий⁴. В дальнейшем, в том числе и в наши дни, распространенной причиной искаженного употребления термина, как мне кажется, стало то, что из-за утраты новизны он примелькался и критически уже не воспринимался. В надуманной трактовке термин прочно закрепился в сознании, стал общепринятым.

Несмотря на то, что вопрос о возвращении понятию «протекторат» истинного содержания поставлен давно, процесс его реконструкции идет трудно. Это можно проследить на отдельных примерах.

В.А. Дубровский писал, что обращение тувинских нойонов к русскому царю, «послужило международно-правовой основой для установления покровительства (протектората)». «Именно покровительства, — подчеркнул он, — а не включения сразу в состав империи». Однако в другом месте он употребил уже компромиссную формулировку: «Исторический акт присоединения Тувы к России в 1914 г. первоначально на правах протектората сыграл прогрессивную роль в ее дальнейшем развитии»⁵. «Для Тувы — писал он в другой статье, — 1914 год стал действительно историческим. Почти после

трехсотлетнего перерыва, связанного с нахождением тувинских племен в составе монгольского государства Алтын-ханов и установления затем маньчжурского ига, Тува фактически вернулась в состав России»⁶.

Ю.Л. Аранчын в главе 11 «Падение Цинской династии и установление протектората России» первого тома нового издания «Истории Тувы» апеллировал только понятием «протекторат» и ни разу не употребил его псевдосиноним «присоединение»⁷. Но в «Заключении» первого тома, где выражено мнение авторского коллектива, вновь речь идет о присоединении⁸.

В кандидатской диссертации Г.А. Ондар протекторат называет «одной из форм государственного объединения, характерной для первого этапа интеграции». Употребление в контексте слова «государственного» немного запутывает формулировку и свидетельствует о тяге автора к старой трактовке термина. Но в «Заключении» она делает совершенно четкий и верный вывод, что «Тува была близка к полному присоединению»⁹. Именно близка! Ей оставалось сделать последний шаг – принять российское подданство, но времени на это историей отпущено не было.

Два следующих примера свидетельствуют, что неверная трактовка понятия «протекторат» присуща не только тувинским историкам. И причина этому – не прямое заимствование (исследования осуществлялись независимо друг от друга), а пребывание в рамках одной концепции российской истории, которая не дружит с историко-правовым подходом к определению реального статуса стран и народов.

Так, А.В. Цихоцкий (г. Новосибирск) пишет: «Изгнав китайцев и освободившись от ига китайского торгово-ростовщического капитала, тувинский народ вступил в полосу поиска (1912-1926 гг.) оптимальной формы своей государственности. При этом ключевым вопросом был вопрос о судьбе Урянхая: объединиться ли с Монголией, **входить ли в состав России** (выделено - М.Н.) или строить самостоятельное государство. Борьба двух партий – русофильской и монголофильской в итоге

закончилась победой первой...». О протекторате (как о покровительстве) в статье вообще не упоминается¹⁰.

В обзорной статье о самоопределении и самоуправлении коренных народов С.В. Соколовский напрямую причисляет тувинцев к одному из «народов имперской окраины». Не очень точно раскрывая содержание протектората (делегирование метрополии права внешних сношений и функций военной защиты, а также предоставление особых прав русским купцам), он рассматривает Хиву, Бухару и Урянхай в рамках российской государственности, то есть опять же в составе Российской империи¹¹.

Неправильное толкование статуса Тувы небезобидно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, оно невольно приводит к завышению степени революционного влияния России на Туву и жестко подводит к применению спорной концепции триумфального шествия советской власти. А так как Тува по аналогии с Бухарой, Хивой или Самаркандом рассматривалась в качестве российского протектората, то ей и вовсе «полагался» миф об особой революции. О том, как в процессе его создания факты подгонялись под заданную схему, можно узнать из работ В.Л. Гениса, посвященных развенчанию «бутафорской» революции в другом российском протекторате - Бухарском эмирате¹². Мифы тувинской истории также становятся объектом изучения.

Прежняя концепция истории Тувы начала XX в. представляет собой причудливое смешение обоих вышеназванных вариантов по формуле: Тува = окраина России + особая революция. Поэтому совершенно ясно, что прояснение вопроса о статусе Тувы имеет концептуальное значение. От его объективного решения зависит правильность концепции истории Тувы первой половины XX в.

Во-вторых, будирование этой проблемы важно еще и потому, что ее значение давно переросло региональные и российские рамки. Плодотворно занимающийся изучением «урянхайского вопроса» в его дипломатическом аспекте Е.А. Белов отмечает, что китайские ученые, затрагивая статус Тувы

до 1917 г., вопреки фактам, склоняются к варианту «присоединения» ее Россией с помощью военной силы¹³. Заметим также, что в свое время понятием «оккупация» широко пользовался для обличения колониальной политики царизма Р.М. Кабо¹⁴.

Дальнейшее тиражирование понятия «присоединение» не идет на пользу России и укреплению российско-китайских отношений. Напротив, возвращение ему истинного значения — еще один веский аргумент против ошибочных утверждений (в Китае и России) о присоединении Тувы к России путем оккупации. Он доказывает, что в 1914 г. не могло быть присоединения с применением военной силы, поскольку присоединения, как такового, не было вообще, а было установление покровительства.

Просматривая публикации советского периода, можно заметить, что понятие «протекторат» при изложении содержания документов своими словами из обращения изымалось и заменялось на псевдоаналог «присоединение». В итоге получалось, что тувинские нойоны и в 1912 г., в ходе изгнания из Тувы китайских купцов, и позднее в своих письмах на имя царя обращались к России с просьбой не о покровительстве (протекторате), а о присоединении. Сопоставление различных трактовок с первоисточниками со всей очевидностью обнаруживает эту подмену понятий¹⁵.

Обращает на себя внимание также то, что историки-тувиноведы, цитируя исторические документы, имеющие отношение к протекторату, упорно обходили своим вниманием фрагменты, в которых совершенно ясно и однозначно указывалось на разницу между присоединением и протекторатом. Они многократно отмечали, что Урянхайский край (Тува) был причислен к Енисейской губернии, но при этом «забывали» цитировать точку зрения министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, который, учитывая геополитическую ситуацию, рекомендовал воздержаться от приема тувинцев в российское подданство (что и было бы присоединением), а ограничиться установлением протектората. «Присоединять их

(урянхов) земли и воды, - писал он председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину, - для этого нет необходимости, так как цели, преследуемые нами в урянхайском вопросе, не требуют немедленного принятия этой радикальной меры, сопряженной с возбуждением сложных и деликатных вопросов в наших отношениях к Китаю и Монголии»¹⁶.

Аргументируя свою точку зрения о принятии Тувы под покровительство, а не в подданство, он сослался на оторванность края от России, отсутствие в нем «достаточной военной силы», необходимость учета просьб тувинских кожуунов о сохранении «в неприкосновенности их внутреннего строя»¹⁷. Было и альтернативное мнение заместителя главноуправляющего землеустройством и земледелием П.Н. Игнатьева о принятии населения Тувы в «полное подданство», но Николай II поддержал С.Д. Сазонова¹⁸.

Статус протектората накладывал на Туву два обязательства: во-первых, не вступать в сношения с другими странами; во-вторых, все спорные вопросы между кожуунами повергать на суд российского резидента – комиссара по делам Урянхайского края. Внутренние вопросы в основном решались на уровне самоуправления. Условия протектората отвечали интересам инициировавших и постоянно будировавших «урянхайский вопрос» торгово-промышленных слоев русского населения, заинтересованных в беспрепятственной эксплуатации природных богатств Тувы, в ведении в ней монопольной торговли, а также интересам российского правительства в переселенческом вопросе.

Введение должности комиссара, являвшегося **дипломатическим агентом**, уже само по себе говорит о том, что Тува для России оставалась зарубежьем. Имеются принятые после установления протектората документы, в которых раскрываются планы царского правительства, направленные на постепенное, поэтапное присоединение Тувы. Само их наличие красноречиво свидетельствует, что присоединение в 1914 г. еще не состоялось, что оно только намечалось и могло стать свершившимся фактом только при наличии благоприятных для этого, прежде всего внешнеполитических, условий.

Этапами на пути к присоединению были введение в Туве российского судоустройства, судопроизводства и налогообложения, подчинение ее ведению Енисейской губернии и иркутскому генерал-губернатору. Здесь действовала колониальная администрация, состоявшая, помимо комиссара, из переселенческого управления, мирового судьи 8-го участка Енисейского окружного суда и трех полицейских участков¹⁹. Венчать этот процесс могло только одно событие – принятие населения Тувы в российское подданство. Этого, как мы знаем, в силу известных причин не произошло. Именно статус протектората стал в 1917 г. причиной отказа Туве со стороны Временного правительства в выделении квоты для ее представительства в Учредительном собрании²⁰.

Безуспешную попытку присоединения Тувы к России предприняло правительство А.В. Колчака, учредив в июле 1919 г. должность генерал-губернатора Урянхайского края. На этот пост был назначен генерал-майор В.Л. Попов - выпускник Николаевской академии Генерального штаба, известный сторонник решительных мер в «урянхайском вопросе», бывший командир 13-го корпуса царской армии во время первой мировой войны и председатель Северного морского пути. Вместе со штатом служащих он прибыл на пароходе «Сибиряк» в Минусинск. Здесь, дожидаясь исхода сражения «белого» отряда есаула Бологова с партизанской армией Щетинкина-Кравченко, он 18 августа принял участие в частном совещании урянхайских коммерсантов и промышленников по вопросу об обложении торговцев Урянхая в целях организации лазарета. Но поражение «белых» в Белоцарском бою сделало исполнение возложенных на него обязанностей генерал-губернатора невозможным²¹.

Так что, документы свидетельствуют: протекторат – это не присоединение, а покровительство. И, думаю, справедливо мнение о том, что «искажение истории в большинстве случаев, особенно последнего хорошо документированного времени, не есть результат туманности фактов, а скорее продукт целенаправленной, можно даже сказать, заказной деятельности интерпретаторов...»²².

Таким образом, в 1914 г. Тува приняла покровительство России. Тем самым было зафиксировано ее переходное состояние. С момента установления протектората она могла эволюционировать либо в сторону присоединения, либо к полной самостоятельности. Историческая действительность Тувы продемонстрировала оба варианта развития. Сначала (возможно, до 1921 г.) она еще не исчерпала шансов для объединения с Россией, но затем пошла по пути обретения государственной самостоятельности. В поочередной реализации обоих вариантов ведущую роль играл внешний фактор.

Объявление протектората состоялось благодаря успешной внешней политике царского правительства²³. Оно сумело воспользоваться тем обстоятельством, что Тува, по известному выражению В. Родевича, была точкой «наименьшего сопротивления русско-китайской периферии»²⁴.

Договор об установлении протектората России заключать было не с кем. С Китаем это было и проблематично, и, учитывая планы будущего присоединения Тувы, не нужно. Монголия, находясь в составе Китая и не имея полномочий для решения подобных вопросов, для этой роли тоже не подходила. В № 1 журнала «Экономист» за 1914 г., где сотрудничали члены Государственной Думы, по этому поводу было сказано: «О согласии нынешних по счастью для России бессильных правительств Монголии и Китая говорить не приходится, так как в данном случае положение России таково, что она может продиктовать свою волю при известной настойчивости и твердости».

При наличии государственности в Туве этот вопрос мог бы решиться легко путем заключения российско-тувинского соглашения. Но Тува еще не имела центральной власти и находилась в раздробленном состоянии. Ее кожууны, ранее подчиненные монгольским нойонам, с принятием протектората получили самостоятельность. Но объединяться под рукой амбын-нойона Тувы (на что тот очень надеялся) они не пожелали. Более того, отдельные правители сумонов начали объявлять себя независимыми нойонами²⁵. Идеи самостоятель-

ности и собственной государственности хотя и обсуждались, но потенциала для реализации в тех условиях не имели.

В международно-правовых терминах вполне можно говорить о «пролонгации» режима протектората (покровительства) на период после 1921 г., когда за Советской Россией было конституционно закреплено покровительство над Тувой в международных вопросах. Сопоставляя права дореволюционной России как протектора (покровителя) с правами Советской России по Конституции ТНР 1921 г., можно увидеть, что последние есть ни что иное, как рудимент протектората.

На первый поверхностный взгляд может показаться, что в вопросе о статусе Тувы произошло столкновение позиций Сафьянова-отца (известного в Туве купца и золотопромышленника, одного из инициаторов протектората 1914 г.) и Сафьянова-сына (борца за свободу тувинского народа). Казалось бы, наглядно проявился конфликт «отцов и детей»: отец активно приближал установление протектората, а сын его упразднил. На деле же оказалось, что уполномоченный Сибревкома в Туве И.Г. Сафьянов добился сохранения протектората России над Тувой, только не в прежнем виде, а в советской модификации. И в данном вопросе его точка зрения совпала с позицией руководства НКВД Советской России.

Основное отличие двух форм протектората заключается в том, что в 1921 г. это был, во-первых, протекторат над находящимся в стадии становления национальным государством (республикой), а не раздробленной страной.

Во-вторых, - это был конституционно закрепленный протекторат, а не объявленный в одностороннем порядке.

В-третьих, - в отличие от протектората царской России, должность российского резидента в Туве не предусматривалась. Но функция арбитра в спорных вопросах перешла к советскому консулу Ф.Г. Фальскому (Горелику), возглавлявшему Смешанную тувинско-русскую комиссию.

В итоге Тува получила статус, соответствующий во многом изменившемуся (в российской его составляющей), и в тоже время сохранившему стабильные характеристики (отношение

к Туве со стороны Китая и Монголии) геополитическому раскладу. По-другому, можно сказать, что геополитический расклад (в первую очередь учет позиции Китая и Монголии) диктовал продолжение апробированной ранее политики протектората, которая и в новых условиях была наиболее приемлемым вариантом российско-тувинских отношений.

Это лишь один из ярких фактов преемственности внешней политики Российской империи и СССР в отношении Тувы (на самом деле их немало). А объясняется она главным образом учетом властями российского и советского государств близких геополитических реалий. Во всяком случае, факт нахождения в 1919-1921 гг. на посту начальника Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии бывшего царского генерала, отечественного классика восточной геополитики А.Е. Снесарева косвенно подтверждает, что такой учет мог осуществляться²⁶.

Еще в советское время историками-тувиноведами была высказана вполне резонная точка зрения, что в 1921 г. Тува имела серьезные шансы стать регионом Советской России. Но тогда, как нам представляется, перевесил внешний фактор (учет сложной международной обстановки на Дальнем Востоке и в Центральной Азии). А создание самостоятельного тувинского государства придало процессу дальнейшего сближения Тувы с Россией межгосударственный, многосторонний и длительный характер. Причем его длительность, как мне представляется, была также во многом предопределена внешними причинами.

Примечания:

¹ Моллеров Н.М. Уроки истории. // газ. "Тувинская правда" от 27 августа 1992 г.; его же. От протектората к самоопределению. // Газ. "Молодежь Тувы" от 16 июля 1994 г.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1985, с. 1068; Международное право. Словарь - справочник. М., 1997. С.274.

³См.: Тока С.К. Зарождение Тувинской народно-революционной партии. // Под знамя Ленина-Сталина. Кызыл. 1943. №5. С. 37.

⁴Аранчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г.//УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1957. Вып. 2. С. 142-158; Дулов В.И. Присоединение Тувы к России в 1914 г. (К 45-летию вхождения Тувы в состав России).// УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып.7. С.11-33; Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982, раздел “Прогрессивное значение присоединения Тувы к России”. С 55-63.

⁵Дубровский В.А. “Урянхайский вопрос”.// Газ. “Тувинская правда” от 5 апреля 1994 г.

⁶Дубровский В.А. Год четырнадцатый...// Газ. “Молодежь Тувы” от 9 апреля 1994 г.

⁷История Тувы. Новосибирск, 2001. Т.1, сс. 310-328.

⁸ Там же, с. 331.

⁹Ондар Г.А. Российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. \\\ Автореферат... канд ист. наук. Кызыл, 2000. С.15, 20.

¹⁰Цихоцкий А.В. Тувинская государственность: истоки и конституционное оформление.//Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск. 2000. С.127.

¹¹Соколовский С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор).// Этнографическое обозрение № 2 за 2001 г. С. 19.

¹²Генис В.Л. Борьба вокруг реформ в Бухаре в 1917 г. // Вопросы истории, №№ 11-12. 2001. С. 18-36; см. также: Федтке Г. – В.Л. Генис. “С Бухарой надо кончать...”. К истории бутафорских революций// Вопросы истории, № 3. 2002; Адиб Халид – В.Л. Генис. “С Бухарой надо кончать...”. К истории бутафорских революций. Документальная хроника//Восток, №1. 2003. С. 198-200.

¹³Белов. Е.А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911-1914)// Восток. 1995. №1. С. 56.

¹⁴См.: Кабо Р.М. Очерки и экономики Тувы, ч. I Дореволюционная Тува. М-Лг. 1934.

¹⁵См. например: История Тувы, М., 1964. С. 359, 362.

¹⁶Цит. по кн.: А.Е. Белов. Россия и Китай в начале века: русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг. М., 1997. С. 194; см также его: Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911-1914).\\ Восток. № 1. 1995. С.64.

¹⁷АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 14, папка 5, л. 25.

¹⁸Там же; подробно об обсуждении будущего статуса Тувы см. выше указ. работы Е.А. Белова.

¹⁹История Тувы. Новосибирск. 2001. Т.1. С. 326.

²⁰АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 14, папка 5, л. 45.

²¹См.: Газ. "Минусинский край" от 25 (12) июля 1919 г., от 27 (14) июля 1919 г., от 3 августа (21 июля) 1919 г., от 9 августа (27 июля) 1919 г.; от 12 августа (30 июля) 1919 г.; от 21 (8) августа 1919 г.; АВП РФ МИД, ф. 153, оп.6, д. 6, папка 2, лл. 8-9.

²²Акифьев А.П. Генетика и судьбы. М., 2001. С. 208.

²³Москаленко Н.П. Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке.// Автореферат... канд. ист. наук. С.9.

²⁴Попов В. Урянхайский пограничный вопрос. Доклад полковника Генерального штаба Виктора Попова. Иркутск, 1910. С. 31.

²⁵РФ ТИГИ, д. 81, л.22.

²⁶Зотов Олег. Евразийская геополитика Тимура: ретроспективный взгляд// Вестник Евразии. №1 (12). М., 2001. С. 125.

Законодательство ТНР

*Первый заместитель министра РТ по делам юстиции,
кандидат юридических наук*

Чоксум Ч. Д.

Новый этап в развитии правовой системы Тувинской Народной Республики проявился в достаточно всесторонней разработке основных отраслей права, в особенности, государственного, трудового, уголовного и гражданского. При этом следует отметить существенное влияние на эти отрасли российского права. Анализ содержания норм свидетельствует об общности многих правовых принципов, лежавших в основе российского и тувинского права.

Положительное влияние российского права на формирование и развитие Тувинской Народной Республики высоко ценилось правительством Тувы. В частности, об этом говорит резолюция VIII съезда Тувинской Народно-революционной партии (1929г.) по вопросу о пересмотре избирательного права и «введения по образцу России, применительно к условиям Тувинской Народной Республики, законов, целиком и полностью защищающих интересы аратских масс»¹.